

ша эту роковую борьбу? Не являются ли авторским намёком на возможность трагической развязки слова о том, что на лице Марьи стало проступать «выражение высокого страдания души, тяготящейся телом». В такие минуты Ростову невольно думалось: «Боже мой! что с нами будет, если она умрёт, как это мне кажется, когда у неё такое лицо».

В семье Пьера и Наташи кроется аналогичная дисгармония, только в обратном варианте. Наташа, как и её брат Николай, не склонна к высшим духовным устремлениям и вся поглощена прозаическими заботами по устройству семейного гнезда. Она не способна по настоящему разделять общественные интересы и искания своего мужа. Толстой прямо говорит, что в них Наташа «ничего не понимала». И если им «приписывала большую важность», то опять-таки лишь до тех пор, пока это не нарушало того порядка жизни, который она выстраивала по своему вкусу. Ростов был диктатором в своей семье, и безгласная перед ним Марья боялась его рассердить точно так же, как ранее, в девичестве боялась гнева отца. Наташа также деспотически правит собственным домом, недаром сложилось общее мнение, «что Пьер был под башмаком своей жены». Она старалась мужа «держать так, чтобы он нераздельно принадлежал ей, дому», и считала, «что каждая минута его жизни» должна быть отдана лишь ей и детям. Но Пьер более, чем семье, уже принадлежит другому делу, ради которого придётся поставить на карту всё и прежде всего пожертвовать безмятежностью семейного благополучия. Сумеет ли его понять Наташа, особенно после событий на Сенатской площади? Ведь уже теперь, стоило Пьеру задержаться в Петербурге, куда он ездил для переговоров с декабристскими лидерами, Наташа, едва он переступил порог дома, тут же вылила на него «поток упреков и злых слов». «А каково мне? — возмущается она. — Хоть бы ты детей пожалел». Детская для

неё — центр мироздания, единственная святая, которую, по её мнению, прежде всего должен хранить и оберегать её муж. Когда они остаются вдвоём, то их разговор, с одной стороны, показывает, что на бытовом уровне они сжились до умения понимать друг друга с полуслова, а с другой стороны, становится ясно, что на высшем, мировоззренческом уровне они очень далеки друг от друга. Пьеру хочется поделиться с женой своими сокровенными мечтами и теми впечатлениями, которые он вынес из общения с единомышленниками в Петербурге. А Наташа, перебивая его, сводит разговор на единственно интересующую её тему — о детях: кто из дочерей больше обрадовался его приезду, как ведёт себя маленький Митя и т.д. Недаром она, словно инстинктом ощущая, что общественная деятельность Пьера может представлять угрозу для её уютного семейного мирка, пытается вернуть мужа к тому мировидению, воплощением которого был Платон Каратаев, бездумно и кротко подчинявшийся течению жизни. Наташа спрашивает: «Как он? Одобрил бы тебя теперь?» Пьер полагает, что Платон несомненно одобрил бы его семейную жизнь, но не составленное при его участии политическое общество. А ведь Наташа с её стихийным мировосприятием, в сущности, и является одним из вариантов каратаевщины. Для Пьера же цели и планы декабристского общества заключают в себе главный смысл жизни. Он признаётся: «Когда меня занимает мысль, то всё остальное забава». И в этом он солидарен с тем, чьё имя упоминает в разговоре: «Князь Сергей славный человек и умён». Прототипом князя Сергея несомненно был С.Г. Волконский, один из видных лидеров декабристов. Сватаясь через М.Ф. Орлова к дочери генерала Н.Н. Раевского Марии, в которую был давно влюблён, Волконский в то же время прямо заявил Орлову, что эта любовь ни в коем случае не сможет помешать его участию в политических замыслах декабристов:

«Скрепясь сердцем, я лучше откажусь от этого счастья, нежели изменю политическим моим убеждениям и долгу моему к пользе отечества»¹. Такова же и жизненная позиция Пьера.

Наташа защищала мужа от нападок Николая, но только потому, что никому не позволяла умалять достоинства своей «собственности». Однако в отсутствие Пьера она раздражённо говорила: «Всё глупости, всё пустяки, все его размышления, которые ни к чему не ведут, и все эти дурацкие общества». И вслед за этим уходила в детскую. Что же она скажет, когда после поражения декабристов Пьера разлучат с ней не на несколько недель, а на долгие годы? И решится ли она ехать за ним в Сибирь, подобно Марии Волконской и другим жёнам декабристов, если одним из главных условий для этого была разлука с детьми? М.Н. Волконская, уехав за мужем, потеряла своего маленького сына. Ребёнок вскоре скончался, несмотря на заботы бабушки, деда и всей родни. А ведь Наташе, если бы что-то случилось с Марьей, не на кого было бы оставить детей, кроме как на верную Сою, к которой она теперь не испытывала ничего, кроме жалостливого презрения. Зато с уверенностью можно сказать, что Николай Ростов не одобрил бы намерение сестры, если бы она решилась отправиться вслед за мужем, и нашёл бы множество убедительных доводов, близких душе Наташи, чтобы отговорить её от этого опрометчивого шага.

Таким образом, эпилог оказывается не завершением романа, а лишь открытой в будущее дверью. Именно там, на новом витке жизни, героев ждут главные испытания, которые до конца выявят их человеческую сущность.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ ВОЛКОНСКИЙ С.Г. Записки. — Иркутск, 1991. — С. 368.

ХАРЧЕНКО Вера Константиновна —

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

«ПОСЛЕ БАЛА»: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ

*Я обнимал тогда весь мир
своей любовью.*

Л.Н. Толстой

Короткий рассказ с весьма простым сюжетом, собственно, даже рассказ в рассказе: некий всеми уважаемый Иван Васильевич в споре вспоминает давнюю историю, пережившую всю его жизнь. Молодой человек был сильно влюблён в милую, прелестную красавицу Вареньку. Однажды весь вечер танцевал с ней на балу, потом с восторгом наблюдал, как Варенька танцует мазурку с отцом.

«Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками, — хорошие опойковые сапоги, но

не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблуков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. “Чтобы вывезить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные”, — думал я...»

Мелочь, деталь, всего лишь сапоги, но и их заметил молодой человек и записал в число достоинств отца Вареньки.

Как это ни странно, но в коротком рассказе много таких деталей, много подробностей бытовых, поведенческих (одежда, привычки, обстановка, погода, есть даже небольшое описание города, где происходит действие), но «внутри» подробностей — пружина сюжета, драматизм, конфликт, контраст первой и второй частей рассказа.

Вторая часть — это встреча молодого Ивана Васильевича с тем же полковником, ко-

торый ведёт экзекуцию татарина, совершившего побег.

«При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я расслышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: “Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте”. Но братцы не милосердствовали...» А дальше — описание спины этого человека: «Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека».

Почему писатель так подробно рассказывает, как дёргалось тело от ударов, как падало то назад, то вперёд, как шлёпали ноги по талому снегу, как досталось от полковника то-

му, кто слабо ударил по наказываемому человеку? Лев Толстой был противником насилия, но демонстрировал все ужасы насилия, чтобы остановить зло в чьей-либо душе, пока ещё можно остановить. Свидетель страшной сцены, Иван Васильевич не только разлюбил Вареньку, но не захотел поступить на военную службу после случившегося.

Рассказ окончен, рассказ прочитан, но размышления начинаются и конца, наверное, не имеют, потому что «После бала» — это рассказ, который трудно забыть, в нём есть нечто весьма и весьма ценное. Что же?

Первая скрытая идея — это идея нравственной ценности даже самых мелких поступков человека, самых «привычных его привычек». Своим рассказом Толстой напоминает, что даже по небольшому нашему поступку окружающие «прочитывают» нас полностью. Небольшое событие может сыграть роковую роль.

«Вся жизнь переменялась от одной ночи, или, скорее, утра», — читаем в начале рассказа. «Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите...» — закончил он». Так замыкается повествование. Похоже, ни полковник, ни Варенька так и не догадались, что произошло в душе Ивана Васильевича. Догадался читатель, поскольку Толстой всегда подробно описывает мир чувств, подробно и честно. Толстой хотел назвать этот рассказ по-другому («Дочь и отец»), но передумал. Почему? Не исключено, потому, что само название «После бала» напоминает: умей жить на балу жизни, когда успех, почести, всеобщее восхищение, но умей жить и после бала. В кругу разных людей оставайся самим собой. Един человек, и, может быть, будничное или экстремальное «после бала» и проверяет в человеке знание о себе.

Вторая идея рассказа — это идея единства семьи. Отец и дочь, но ведь не исключено, что дочь-то совсем другая. Она может быть и доброй, и нежной, и чуткой при жестоком отце как своего рода компенсация, противовес. Наблюдаются же такие случаи. Но у Толстого всё сложнее. Любой поступок бросает тень на всю семью. Добро накапливается в недрах семьи. Наташа Ростова очаровательна, но ведь и отец Наташи очень добрый человек, вызывающий чувство симпатии. Честен, скромен, трудолюбив старый князь Болконский, но и его дети, князь Андрей и княжна Марья, отличаются большими достоинствами. Иван Васильевич в рассказе «После бала» не захотел иметь ничего общего не с Варенькой даже, а со всей её семьёй. Значит, мелкий поступок бросает тень не на одного человека, а на его семью — «древо».

Третья скрытая в рассказе идея — это идея доброты как наиболее ценного качества. Людей можно делить на вспыльчивых и равнодушных, вялых и энергичных, храбрых и не очень храбрых. Но есть одно свойство, будто красной нитью проходящее через всё остальное, — это доброта, точнее, степень доброты. Впрочем, И. Кант считал (а Толстой любил перечитывать труды этого философа!), что нравственные качества степеней не имеют: они либо есть, либо их нет. Кажется, рассказ — о жестоком полковнике, о нём мы узнали достаточно. Но «После бала» — это не только явный рассказ о жесто-

ком полковнике, но ещё и скрытый рассказ о добром Иване Васильевиче, о судьбе которого мы ничего почти не узнали, кроме самого главного: он сохранил в себе доброту сердца.

«Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было», — кто-то из собеседников сказал так в адрес Ивана Васильевича. Присутствие идеи доброты отражено в динамике поведенческих реакций. Даже самому полковнику стало стыдно, когда он увидел потрясённое лицо молодого человека. «Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся».

Иван Васильевич как будто всё время с кем-то спорит, доказывая, что старомодная доброта совсем не старомодна.

«— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя расскажу».

Так начинается рассказ. И может быть, в этих словах заключена его злободневность. Человек способен иногда всё сваливать на среду, которая «заедает», но можно не подчиниться давлению среды, идти своим путём и судить себя достаточно строго. Когда создавался этот рассказ, социальная иерархия в России была весьма жёсткой. Потом наступили другие времена, сейчас снова происходит социальное разделение, появились богатые и бедные, и в этой ситуации значение, роль доброты всё возрастает. Такие люди, как Иван Васильевич, очень нужны обществу.

«Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елизаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова».

Наверное, потом Иван Васильевич стал сдержаннее в своих чувствах, но его умение любить людей — секрет успеха его жизни. Каждый ли человек услышит о себе: «Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было?»

Следующая четвёртая (счёт, конечно же, условен!) идея рассказа — это идея несоответствия наказания «преступлению». Лев Толстой подчёркивает, что наказание может быть преступнее самого «преступления», и протестует против этого. Чувства Ивана Васильевича разделял стоящий рядом с ним человек.

«— О Господи, — проговорил подле меня кузнец».

Эмоциональная реплика предельно лаконична, но тем не менее мы слышим в ней напоминание о Боге... Наше право на насилие всегда сомнительно.

«Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого».

Этой фразой писатель ещё раз подчёркивает, что в мире много привычного зла. Считается, что в одиночку бороться с таким злом бесполезно: не победить! Толстой, однако, говорит не о победе, а о жизни человека, достойной или не очень. Иван Васильевич — положительный герой, хотя и не такой известный, как Пьер Безухов. Но на таких

незаметных хороших людях держится общество. Приведём ещё один эпизод из рассказа. «Жили мы тогда одни с покойным братом. Брат и вообще не любил света и не ездил на балы, теперь же готовился к кандидатскому экзамену и вёл самую правильную жизнь. Он спал. Я посмотрел на его уткнутую в подушку и закрытую до половины фланелевым одеялом голову, и мне стало любовно жалко его, жалко за то, что он не знал и не разделял того счастья, которое я испытывал». Иван Васильевич влюблён, но читатель чувствует, что не только в момент самого события, но и вообще Иван Васильевич очень любил своего брата. У них сохранялись прекрасные отношения.

«В мире есть зло», — своим рассказом напоминает Толстой. В мире есть наказания, которые равны преступлению. Но и другого мира и другой жизни у человека нет. Толстой и Достоевский проповедовали возможность воплощения идеала в реальности. Жаль, что Толстой почти ничего не говорит о судьбе Ивана Васильевича, судьбе, уходящей в подтекст, «за текст» рассказа, но влияющей на его осмысление.

Ещё одна «мелочь» в рассказе «После бала». События происходят в последний день масленицы — прощёное воскресенье, а избивение татарина — в первый день Великого поста, когда предписывалось особенно внимательно наблюдать за собой: не обидел ли кого ненароком.

Если одним словом ёмко выразить идею творчества Льва Николаевича Толстого, то слово это — совесть. Иван Васильевич — это немного и сам автор, сам Толстой.

«Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молодцы и жили, как свойственно молодости, учились и веселились. Был я очень весёлым и бойким малым, да ещё и богатым».

Писатель как будто повествует о себе. Лев Толстой любил жизнь во всех её проявлениях, но при этом он постепенно понял что-то столь важное, что сделало ценным все без исключения его произведения, в том числе и небольшой рассказ «После бала».

«Я знаю одного большого поэта, который считает, — пишет Виктор Конецкий в книге «Морские сны» (Л., 1975), — что наша литература делится на литературу чести и литературу совести (Лермонтов и Достоевский — полюсы). Нашу литературу чести в мире уважают, классиков её переводят и изучают. Но не она потрясла мир. Мир и до сих пор вздрагивает от нашей литературы совести».

Оглянемся назад. «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал...» — писал А.С. Пушкин в известном стихотворении «Памятник». То же самое о себе могли сказать и Н.В. Гоголь, и Л.Н. Толстой, и Ф.М. Достоевский. Вся русская литература — это школа любви к человеку, школа (и шкала!) милосердия. Не так важно, кто переломит тубой: стационарный смотритель, или титулярный советник Акакий Акакиевич, или татарин из рассказа «После бала», — важно, в конечном счёте, кто ты сам.